

В. М. БЕРЕЖКОВ

Страницы дипломатической истории

<Фрагменты>

<...>

<...> Черчилль, возглавивший с мая 1940 года английское правительство, рассчитывал, что война ослабит Советское государство и по окончании военных действий оно окажется в зависимости от Англии и США. <...>

<...>

В английском руководстве шла, как видим, серьезная борьба вокруг Рудольфа Гесса. На каком-то этапе британские политики были даже готовы объявить публично о цели его прилета в Англию: добиться соглашения между Лондоном и Берлином на базе антикоммунизма и твердого обязательства Гитлера осуществить поход против Советского Союза.

Заявление, которое, как указывает Кадоган, хотел сделать Черчилль, создало бы новую ситуацию для англо-германских маневров и возможного сговора между Англией и Германией. Однако вся международная обстановка, тот факт, что Англия уже находилась в войне с Германией, так же как и усилившиеся к тому времени антифашистские настроения английской общественности, крайне затрудняли подобный поворот. Черчилль колебался. Тем временем нападение гитлеровской Германии на Советский Союз кардинальным образом изменило обстановку. Правящие круги Лондона увидели, что перед ними открывается другая перспектива действуя совместно с Советским Союзом, не только отвратить от Англии нависшую угрозу нацистского порабощения, но и нанести поражение «третьему рейху», амбиции

которого стали представлять серьезную угрозу для интересов Британской империи.

<...>

(Начало войны. — *Сост.*). Как видим, вопреки словесным заявлениям Черчилля и членов его кабинета о стремлении английского правительства оказать Советскому Союзу самую широкую помощь, на практике никаких конкретных шагов не предвиделось. <...>

<...>

(Декабрь 1941 г. — *Сост.*). Что касается отправки британских войск на советско-германский фронт, то этот вопрос уже имел свою историю. В ходе переписки между Москвой и Лондоном английское правительство предложило послать британские войска на Кавказ для «охраны нефтяных районов», а также в северную часть Ирана, с тем чтобы находившиеся там советские войска, как и высвобождавшиеся в таком случае советские гарнизоны на Кавказе, были использованы в действующей армии на советско-германском фронте. Это предложение вновь представило Черчилля в весьма неприглядном свете; получалось, что для ведения гарнизонной службы на советской и иранской территориях Англия могла выделить войска, а для боевых действий на советско-германском фронте войска «не оказалось». Советское правительство отклонило это сомнительное предложение, а переговоры с Иденом ничего нового в данный вопрос не внесли.

<...>

Далее события развивались следующим образом. Сразу же после завершения этих переговоров в Лондоне и Вашингтоне Уинстон Черчилль принялся убеждать правительство Соединенных Штатов в необходимости отказаться от только что достигнутой договоренности об открытии второго фронта в Европе в 1942 году (операция «Следжхэммер»¹). Он категорически заявил Рузвельту, что о высадке во Франции в ближайшее время не может быть и речи. Вместо этого Черчилль предложил изучить возможность военной операции, получившей в дальнейшем кодовое название «Факел» и имевшей целью освобождение Северной Африки. <...>

<...>

Когда в первые годы существования Советской власти Уинстон Черчилль, бывший тогда членом британского кабинета, выступил вдохновителем антибольшевистского похода четыр-

надцати буржуазных государств, он, конечно, не мог подозревать, что спустя два десятка лет ему придется ехать в качестве эмиссара правящих кругов Англии и США в Москву — столицу советской державы, союзницы Великобритании. К тому же он вынужден был играть незавидную роль политика, которому приходится оправдываться и маневрировать в связи с нарушением торжественно принятого ранее обязательства открыть второй фронт.

Надо полагать, во время своего первого полета в Москву летом 1942 года Черчилль не мог не задуматься над поучительным уроком, преподанным ему историей. Во всяком случае, когда британский премьер во второй половине дня 12 августа спускался по трапу самолета, только что приземлившегося в Центральном аэропорту в Москве, он имел весьма озабоченный вид. И хотя официальная церемония встречи соблюдалась по всем правилам, включая исполнение национальных гимнов и обход почетного караула, атмосфера царяла довольно холодная.

Советские официальные лица вели себя сдержанно. Обходя почетный караул, Черчилль, втянув голову в плечи, пристально всматривался в каждого солдата, как бы взвешивая стойкость советских воинов, сдерживавших отчаянный натиск гитлеровцев на гигантском фронте, пересекавшем советскую землю от Ледовитого океана до Черного моря.

<...>

Это была первая встреча главы Советского правительства с лидером Британской империи. Черчилль был явно взволнован. Его выдавала излишняя суетливость. Премьер уверял, что его радости по случаю прибытия в героическую Москву нет предела. Сталин, напротив, держался очень сдержанно.

<...>

Черчилль начал издали. Сначала принялся многословно рассказывать, как проходит концентрация значительных контингентов войск Англии и Соединенных Штатов, а также боеприпасов и вооружений на Британских островах. Затем стал говорить о возможности сосредоточения значительных германских войсковых соединений на Западе, из-за чего операции союзников в Нормандии связаны, дескать, с большим риском. Наконец, он, как бы невзначай, сказал, что приготовления к высадке будут закончены в следующем году.

<...>

Впоследствии некоторые западные политики, особенно Черчилль, пытались взять под защиту фашистских злодеев. Тут довольно ярко проявилось двуличие лидера тори. Ведь не кто иной, как сам Уинстон Черчилль, был автором той фразы Декларации, где говорилось, что союзники найдут виновных «даже на краю света».

<...>

(Тегеран. — *Сост.*). Черчилль сразу же поднял правую руку, прося слова. Говорил он очень четко, размеренно, произнося слово за словом, подобно тому, как каменщик кладет кирпичи. Делая паузы для перевода, он беззвучно шевелил губами, как бы произнося сначала про себя фразу, которую собирался затем высказать вслух. Он словно внутренне прислушивался к ее звучанию. Потом, убедившись, что подобраны нужные слова, он снова чеканил их своим хорошо поставленным голосом профессионального оратора. Подчеркивая торжественность минуты, он встал из-за стола и отодвинул кресло, чтобы дать простор своей грузной фигуре:

— Эта встреча, — сказал Черчилль, — пожалуй, представляет собой величайшую концентрацию мировой мощи, которая когда-либо существовала в истории человечества. В наших руках решение вопроса о сокращении сроков войны, о завоевании победы, о будущей судьбе человечества. Я молюсь за то, чтобы мы были достойны замечательной возможности, данной нам богом, — возможности служить человечеству...

<...>

(Церемония вручения меча от английского короля Сталинграду. — *Сост.*) Сталин был в светло-сером кителе с маршальскими погонами. Черчилль на этот раз также явился в военной форме. С того дня своей формы английский премьер в Тегеране не снимал, и все считали, что это его своеобразная реакция на маршальскую одежду Сталина. Сначала Черчилль носил синий в полоску костюм, но, увидев Сталина в форме, он тут же затребовал себе серо-голубоватый мундир высшего офицера королевских военно-воздушных сил. Эта форма как раз подоспела к церемонии вручения меча. Рузвельт, как обычно, был в штатском.

<...>

Известно, что Сталин был порой раздражительным и нетерпеливым. Малейшее возражение могло вызвать у него весьма бурную реакцию. Однако на протяжении работы Тегеранской

конференции он хорошо владел собой. Даже в самые острые моменты он был выдержан, корректен. И это выгодно отличало его от Черчилля, который часто срывался, проявлял нервозность, а иногда и вовсе не мог держать себя в руках.

<...>

